Зато через пару минут в больничное крыло влетели Рон с Гермионой, спеша урвать пару минут, пока мадам Помфри не выгонит их снова — медсестра была категорически против посещений, но Гарри таки упробил ее позволить ему поговорить с друзьями.

— О, Гарри! — воскликнула Гермиона, поздрававшись с Седриком. — Мы так волновались за тебя! Дамблдор ничего не объяснил, только повторил несколько раз, что ты в порядке.

— А потом пришел Снейп и вообще выгнал нас из кабинета директора! — пожаловался Рон. — Но с тобой же, правда, все в порядке?

— Да, все нормально, — улыбнолся Гарри: у него на душе посветлело, когда он увидел друзей.

— Расскажешь нам, что же произошло?

— Рон! — шикнула на него Гермиона. — Ты же слышал, что говорила мадам Помфри: никаких волнений!

— Не думаю, что разговор с вами навредит мне больше, чем встреча с Волдемортом, — тихо заметил Гарри.

Рон и Гермиона потрясенно замолчали.

— Не возражаешь, если я расскажу им все? — обратился Гарри к Седрику.

— Нет, конечно. Люди должны знать, что происходит. Из спора Дамблдора и Фаджа я понял, что Министерство не собирается признавать возможность его возвращения.

— Что? — Гарри на секунду лишился дара речи. — Но почему?

— Без понятия, — пожал плечами Седрик и поправил подушку, устраиваясь поудобнее.

На Гарри уставились три пары глаз, и он начал рассказывать обо всем с момента входа в лабиринт. При словах о портале Гермиона охнула, а Рон даже рот открыл от удивления. Седрик все больше хмурился, явно сопоставляя слова Гарри с собственными воспоминаниями. Он болезненно поморщился, но все же промолчал, когда дошли до того момента, когда в него запустили Авадой. Зато Рон с Гермионой наперебой начали задавать вопросы; не дожидаясь ответов, принялись рассуждать вслух, а потом смущенно замолкли под укоризненными взглядами. Гарри, стараясь не упустить никаких деталей, закончил рассказ, не умолчав и о поведении Фаджа. Некоторое время Рон и Гермиона молчали, осмысливая услышанное.

— Значит, Тот-Кого-Нельзя-Называть все-таки вернется, — нахмурился Рон.

— Так считают и Дамблдор, и тот человек. Интересно все-таки, кто он, — вздохнул Гарри.

Гермиона смешно наморщила лоб.

— Говоришь, его голос показался вам обоим знакомым? Ума не приложу, кто из известных нам волшебников может обладать таким могуществом!

— Мы тоже ломали над этим головы, — несколько покровительственно усмехнулся Седрик, — но так ничего путного и не надумали.

Ребята еще некоторое время проговорили, а потом мадам Помфри все же попросила Рона с Гермионой удалиться.

Гарри снова задремал и проснулся, когда солнце уже село. Седрик, кажется, спал, а медсестра куда-то отлучилась. Было тихо. Гарри уставился в окно, снова и снова прокручивая в памяти недавние события.

Седрик шевельнулся и открыл глаза. Потянулся.

— Кажется, я выспался на неделю вперед, — пробормотал он.

— Ты, видимо, впервые попал в цепкие руки мадам Помфри, — усмехнулся Гарри.

— Ну да. Я же не герой, чтобы влипнуть в истории, и не любитель набедокурить, чтобы страдать от последствий своих же шалостей.

— А меня ты к какой из этих категорий относишь? — полюбопытствовал Гарри. Ему оказалось неожиданно легко общаться с Седриком.

— К обеим. Но ты гриффиндорец, тебе по статусу положено.

— Гриффиндорец... Скажи, а если бы я попал, скажем, в Слизерин, то мне полагалось бы быть хитрым?

— Наверно, — пожал плечами Седрик. — Шляпа же распределяет по факультетам в зависимости от характера и склонностей.

— Она хотела отправить меня в Слизерин, — вырвалось у Гарри.

— Да? — искренне удивился Седрик. — Никогда бы не подумал. Ты же постоянно ссорисься со слизеринцами.

— Ну да. А сейчас я подумал, а что бы было, если бы я тогда не начал с ней спорить, а согласился бы? Неужели меня бы тоже считали Темным магом? Я... извини, — смутился Гарри.
— Не знаю, что на меня нашло.

— Ничего страшного. Сказать по правде, я не думаю, что Слизерин плохой факультет. Просто он ставит во главу угла хитрость и хладнокровие.

— Абсолютно верное замечание, — в тишине больничного крыла негромкий голос показался раскатом грома.

Седрик и Гарри машинально нацелили палочки и облегченно вздохнули, когда увидели, что перед ними стоит знакомый Незнакомец.

— Постоянная бдительность! — он вздохнул и продолжил с неподдельным сожалением: — Досадно, что занятия у вас вел не настоящий Грюм. А теперь он вряд ли согласится остаться в Хогвартсе.

— А почему бы вам не учить нас, сэр? — осторожно спросил Гарри и внутренне напрягся, ожидая ответ.

— Не думаю, что Дамблдор допустит типа вроде меня обучать детей.

— Снейпа же допустил, — тихо проворчал Седрик: ему, как и всем, доставалось от желчного зельевара.

Незнакомец усмехнулся:

— Десять баллов Хаффлпаффу! Но одно дело Снейп, а другое — я. Вы ведь даже лица моего не видели — вдруг я вообще Пожиратель Смерти?

— Тогда вы могли бы убить нас еще там, на кладбище.

— О да! Победитель Мальчика-Который-Выжил и Того-Кого-Нельзя-Называть! Сомнительная слава, Гарри, не находишь? Впрочем, — резко посерьезнел он, — вы правы. На этой войне я против Волдеморта и его прихвостней.

— То есть, вы за Дамблдора? — обрадовался Гарри. Ему становилось жутко от одной мысли о том, что столь могущественный волшебник может быть его врагом.

— Нет, я просто против Волдеморта. Третья сторона, если угодно. Хотя в сложившейся ситуации скорее четвертая, — Незнакомец опустился на кровать Гарри, закинув ногу на ногу.

— Четвертая?

— Волдеморт, ему противостоит Дамблдор, Министр пытается усидеть в кресле... Три стороны уже есть.

— Но разве мы не должны объединяться против общего врага?

— Должны, Седрик, должны. Однако я далеко не всегда одобряю методы уважаемого директора. Но это уже совсем другой разговор, а сейчас я пришел, чтобы вкратце рассказать о произошедшем. Думаю, Дамблдор, как всегда, решил, что детям лучше дать строго отмеренную порцию информации?

Седрик и Гарри дружно закивали. И если Седрик еще мог узнать что-либо от родителей, то Гарри светила пространный лекция о добре и любви, не содержащая никаких фактов.

— Так вот, — собрался с мыслями Незнакомец. — Барти Крауч-старший во время Первой войны с Волдемортом весьма активно боролся с Пожирателями, быстро шел вверх по карьерной лестнице и очень скоро стал главой Аврората. Его методы были, мягко говоря, негуманными: Азкабан при малейшем подозрении, зачастую без суда и следствия. Однако в то беспокойное время такое поведение было редкостью: все панически боялись Волдеморта, Министерство кишмя кишело вольными и невольными предателями и, естественно, агрессивная борьба приветствовалась обывателями. Краучу даже прочили пост Министра магии. Но в один далеко не прекрасный день его сына поймали во время нападения. И Крауч-старший упек в Азкабан собственного ребенка. Его репутация, конечно же, была безнадежно испорчена, в должности его понизили, в общем, он потерял почти все...

<http://tl.rulate.ru/book/99979/3407178>